

«ТУРГЕНЕВ» И ЛЕГКАЯ МУЗЫКА

Леонид УТЕСОВ

Нет одессита, которому за пятьдесят и который не знал бы «Тургенева». Плавал в начале века такой пароход «Тургенев». Был он коротенький, толстенный; две трубы, поставленные поперек, делали его еще короче, как костюм с поперечными полосами делает человека невысокого роста еще ниже. Далекое плавание этого «гиганта», рейс Одесса — Аккерман, совершалось ежедневно в оба конца. Шумно было и на пристани, и на борту, когда отваливал или прибывал он к родным берегам. Бури и штормы не пугали «Тургенева». Их не бывало на лимане, по которому пролегал курс корабля. «Могучий седой капитан», команда из нескольких отчаянных одесских морских волков были надежной гарантией безопасности грандиозного путешествия, тянувшегося... три-четыре часа.

Теперь о пассажирах: бессарабские виноградари, привозившие виноград в Одессу и вывозившие из Одессы рыбу, бакалейные и гастрономические товары; мелкие торговцы, крестьяне — все они переполняли «Тургенев» и делали его похожим на плоскую жестяную банку, облепленную мухами. Мухи жались к левому борту, жужжали, переговаривались, переругивались и пересмеивались с мухами, стоявшими на пристани. Это было очень веселое и радостное прощание. Наконец раздавался третий могучий гудок, крики, возгласы, смех становились еще громче, и, покрывая этот веселый гам, старый капитан дребезжающим тенорком командовал: «Убравь сходни! Отдай носовой! Малый вперед!» И «Тургенев» под большим нахлобком на левый борт отчаливал от пристани. Крен возникал от перегрузки левого борта пассажирами, прощавшимися с берегом, махавшими руками и оравшими напутствия и деловые пожелания. Крен был так велик, что грозил «Тургеневу» переворотом набок. И тут чудо-капитан, неистово размахивая кулаками и надрываясь, кричал: «Шо вы делаете? Вы же перекинете пароход. Бежить на правый борт!» И вся масса в страхе и смущении бросалась к правому борту. «Тургенев» резко переваливался направо. «Шоб вы усе подохли!» — орал капитан. — Бежить налево!» Все бросалось налево, и «Тургенев» делал, что ему полагается, — он кренился налево. И так до самого Аккермана в штилевую погоду по гладкой поверхности лимана шел «Тургенев», переваливаясь слева направо, как океанский корабль в десятибалльный шторм...

Не так ли и ты, наш корабль «Легкая музыка», плывешь, переваливаясь с борта на борт, под крики «бегите налево», «бегите направо», — от борта советской песни и музыки к борту разухабистого американского джаза?

Самодельные конъюнктурные капитаны из различных музыкальных организаций, взобравшись на мостик, выкрикивают команды, якобы подсказанные им искренностью чувств и убеждений, — и шарахается справа налево и обратно наш корабль «Легкая музыка».

Не пора ли воспитать в себе нормальное, серьезное и искреннее отношение как к своим, так и к зарубежным явлениям в искусстве? Не пора ли ценить свое по достоинству и, не приходя в телачий восторг, по достоинству ценить чужое? Не пора ли отбирать все заслуживающее нашего внимания и отбрасывать все ненужное и вредное?

Вот уже сколько лет приходится вести борьбу за право существования эстрадного оркестра. Одно слово «джаз» вызывало у некоторых хляжей и перестраховщиков испуг. Слова «саксофон», «аккордеон» ассоциировались чуть ли не со словом «капитализм». Исполнение зарубежной легкой музыки считалось ошибкой, достойной порицания. Студенты, молодые рабочие, желавшие организовать оркестр с наличием «порочных» инструментов, всячески прорабатывались.

В своих напаках на легкую западную музыку ее противники ссылаются на высказывания М. Горького о «музыке толстых». Да, есть такая музыка. И мы вовсе не намерены ее пропагандировать. Но вся ли легкая эстрадная музыка, возникшая на Западе, — «музыка толстых»? В дни Всемирного фестиваля молодежи и студентов у нас будет звучать много легкой зарубежной музыки, и антагонисты этого жанра смогут убедиться, что исполняют и слушают ее далеко не «толстые» люди.

Нападки вульгаризаторов на «легкую музыку» наши недруги за рубежом пытались представить чуть ли не как официальное запрещение у нас джаза. Так, например, в американском журнале «Сэтердей ревью» появилась статья некоего Ричарда Хэнсера, где он в подкрепление своих доказательств «гонений» на джаз в СССР привлек высказывания... Платона. Да, да, философа Платона, жившего почти 2 400 лет тому назад. Платон, видите ли, сказал: «Наши старейшины должны сохранить в силе один закон, никогда его не упускать из виду и всегда хранить его с большей тщательностью, чем другие. Мы должны уберечь наше общество от опасности в виде новых тече-

ний в музыке; потому что форма и ритмы в музыке никогда не изменяются без того, чтобы не произвести изменения в самых важных политических формах и путях».

Много еще глупостей нагородил Хэнсер, вплоть до выражения мне соболезнования в том, что я якобы за свой джазовые убеждения большую часть жизни провожу в концлагере. Все это, конечно, очень забавно, но дискуссии с уклоном в сторону отрицания всего западного в области легкой музыки привели в свое время к тому, что она перестала звучать на нашей эстраде.

Однако я считаю, что и советской песне за время ее существования — ни ей, ни ее исполнителям. — не было посвящено достаточно внимания и заботы, хотя с этой песней советские люди жили, строили, воевали и побеждали, она была поддержкой в беде и горе, спутницей в счастье и радости. Но ведь нельзя же считать проявлением серьезной заботы о развитии легкого жанра заклинание «только-только наше», которое повторялось, когда речь заходила об эстрадной, танцевальной музыке. Несоблюдение пропорций вызвало обратные явления, и сейчас молодые, способные исполнители песен, выступая на эстраде, поют только-только «заграничные» песни, забывая, что, если они хотят быть полезны своим трудом нашему делу, надо больше думать о своей Родине и воспевать труд, дела и победы советских людей. А когда следует, то нужно и обрушиться едкой сатирой на недостатки и ошибки, все еще встречающиеся на нашем трудном, великом пути. У Глеба Романова, например, видно желание во что бы то ни стало быть похожим на Ива Монтана. Но ведь одно из основных достоинств Монтана заключается в том, что он певец Франции, Парижа, он о них и поет. Я отнюдь не утверждаю, что надо отказаться от исполнения зарубежных песен и музыки. Наоборот, я за хороший джаз, за хорошую песню, пусть она будет зарубежной. Но я против слепого подражания и копирования даже хороших иностранных образцов. Мы за то, чтобы у нас создавалась своя оригинальная музыка, отвечающая нашим национальным традициям. Пусть у нас возникают маленькие эстрадные оркестры, большие оркестры, но пусть эти коллективы не кренятся то налево, то направо, нагоминая пароход «Тургенев».

В свое время Радиокomiteт с поистине демьяновской настойчивостью кормил нас только хорами, оркестрами народной музыки и в крайнем случае песнями «избранных» советских композиторов. Легкая танцевальная музыка, песни с танцевальными ритмами, могущими вызвать, боже упаси, «джазовые эмоции», приводили руководителей Радиокomiteта в трепет. Да и только ли Радиокomiteт кричал с капитанского мостика: «Бегите налево»? Были

тальное движение, ее борьбу за новую жизнь, за нового человека. Но значит ли, что, создав этот жанр, мы должны были отказаться от всех других жанров в легкой музыке? Конечно, нет. Утверждение единой формы в искусстве влечет за собой нежелательные последствия: скуку и равнодушные публики.

Если проследить путь развития советской песни, то можно заметить, что на этом пути было достаточно радостей и огорчений. Было много хороших песен, но и немало плохих. Слишком много песен пишется в миноре, и даже часто песни с жизнерадостным, веселым настроением в тексте получают минорное музыкальное оформление. Еще чувствуется у нас влияние старого псевдоцыганского романса в менцанской лирике, и это надо отнести к числу недостатков. Но и радостей было немало. К примеру: в свое время Шостакович подарил нам две песни, которые получили широкую популярность, и обе они написаны в мажоре. «Песня о встрече», полная солнечной яркости и радости жизни. Песня «Фонарики». Ведь казалось бы, о чем поется в ней: о войне, о затемнении, — значит, о временах тяжелых, грустных, а сколько в ней оптимизма и веры в светлое будущее!

Дунаевский — чудесный, радостный, веселый наш певец. Разве песни «Марш веселых ребят», «Песня о Родине» и многие другие его произведения, ставшие народными, написаны в миноре? Да и у других композиторов было немало веселых, жизнерадостных песен. Мажор, мажор, товарищи композиторы! Уравновесьте корабль, не давайте ему клониться на один борт. Пишите и мажорные, и минорные песни. Иногда хочется взгрустнуть, иногда посмеяться. Но я бы сказал, что смеяться хочется больше.

Надо бросить упрек и нашим поэтам-песенникам. Уж больно у них тексты ни о чем. Песни бывают разные: песня — рассказ в музыке, песня — музыкальная новелла, песня — музыкальная речь пропагандиста, песня любовная, песня-анекдот. Надо пользоваться этим огромным разнообразием.

У нас часто любят определять качество песни по ее «массовости» — запел ее народ или нет. Мне кажется, это не всегда правильно. Во-первых, важно, по каким каналам песня идет в массы. Хорошая песня может не попасть в кинофильм, на пластинку, на радио и обречена на гибель. Наконец, не всякая песня, подхваченная слушателями, хороша. Очень часто плохие песни получают широкую популярность. Да и вообще, почему надо писать песни обязательно с расчетом на то, что их будут всюду распевать? Приятно, конечно, автору, когда он, идя по улице, слышит, как его сограждане вспоминают плод его творческого вдохновения. Нужны, и очень нужны такие песни, но только ли такие?

Нам необходимо создавать свою веселую танцевальную музыку. Это единственный путь борьбы с проникновением к нам скверной джазовой музыки. Свои фокстроты, свои танго. Да, да, фокстроты, танго и другую танцевальную музыку. Вальс тоже не родился у нас, но есть же русский вальс, русская полька и другие танцы. Почему не быть русскому, украинскому, армянскому, азербайджанскому и так далее фокстроту, танго, построенным на национальных музыкальных мотивах? Я думаю, всем ясно, что веселая танцевальная музыка несколько не противоречит принципам искусства социалистического реализма. Пусть наша молодежь танцует современные танцы, а не музейные паде-каты или паде-патинеры.

Наш народ — народ-певец. Нам нужна разная музыка, разные песни. Нам нужны разные оркестры, от оркестра народных инструментов до джаз-оркестра. Нам нужны песни о жизни, о судьбах людей — наших, советских людей и людей другого мира, наконец, песни о любви, радости жизни, о прекрасном мире, где должен царить мир. Больше музыки всякой, жизнерадостной, веселой, больше песен хороших и разных! Ведь «нам песня строить и жить помогает...»

Сейчас, когда мы готовимся к Всемирному фестивалю молодежи и студентов, очень нужно подумать о нашем музыкальном хозяйстве. Приедут молодые друзья из разных стран, привезут свои песни, свою музыку, ансамбли, оркестры. Зазвучат их танцевальная музыка, их песни, зазвучат наши песни, наша музыка. Наши друзья увезут к себе на родину то, что услышат у нас, мы же сохраним то, что они нам оставят как память о зарубежной молодежи.

И пусть наш корабль «Легкая музыка» идет, не кренясь на одну сторону — сторону однообразия, скуки. Пусть звучит все, что не противоречит нашему восприятию жизни, помогает укреплению нашей идеологии — идеологии людей, строящих коммунизм.

Рис. В. ФОМИЧЕВА

и помощники, и боцманы в различных организациях, ведающих курсом нашего музыкального корабля. Однообразие родило скуку. А это причиняло серьезный вред искусству легкой песни и музыки.

Я вспоминаю начало пути советской песни. Первые песни эпохи гражданской войны. Расцвет советской песни, рожденный содружеством Дунаевского и Лебедева-Бумача, песнями Соловьева-Седого, Блантера, Богословского, и, наконец, период, когда Новиков, Туликов, Жарковский, Табачников, Мокроусов, Фрадкин и другие внесли, каждый по мере своих дарований, вклад в развитие советской песни. Был советская песня — новый жанр. Это не романс, не городская песня дореволюционного периода. Это форма, рожденная революцией, отображающая ее поступа-